

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ВОЗДУШНОГО ТРАНСПОРТА

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ» (МГТУ ГА)**

**Кафедра иностранных языков
Т.Д. Неведомская**

ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК

РУССКИЙ ЯЗЫК

ПОСОБИЕ

**по изучению художественных произведений
в страноведческом аспекте**

*для студентов - иностранцев II курса
всех направлений и специальностей
очной формы обучения*

Москва - 2015

ББК ЧР
Н40

Рецензент ст. преп. Михайлова М.Ю.

Неведомская Т.Д.

Н40 Русский язык: пособие по изучению художественных произведений в страноведческом аспекте. - М.: МГТУ ГА, 2015. - 24 с.

Данное пособие издается в соответствии с рабочей программой учебной дисциплины «Иностранный язык» по учебному плану для студентов-иностранцев II курса всех направлений и специальностей очной формы обучения.

Рассмотрено и одобрено на заседаниях кафедры 26.01.2015 г. и методического совета 19.11.2014 г.

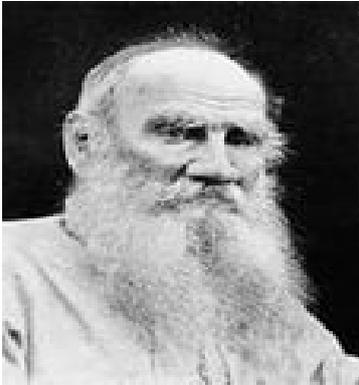
Подписано в печать 11.02.15 г.		
Печать офсетная	Формат 60x84/16	1,21 уч.-изд. л.
1,39 усл.печ.л.	Заказ № 1957/	Тираж 60 экз.

Московский государственный технический университет ГА
125993 Москва, Кронштадтский бульвар, д. 20
Редакционно-издательский отдел
125493 Москва, ул. Пулковская, д.6а

© Московский государственный
технический университет ГА, 2015

О ТОЛСТОМ (1828-1910)

Лев Николаевич Толстой – гениальный русский писатель и философ. Он написал много прекрасных книг, которые читаются во всем мире. Самые

лучшие его произведения – «Война и мир», «Анна Каренина» и «Воскресение». Кроме этих больших романов Толстой писал повести, рассказы и драмы: «Казачьи», «Хаджи-Мурат», «Отец Сергей», «Крейцерова соната», «Севастопольские рассказы», «Власть тьмы» и т.д.

Самым великим произведением Толстого является его исторический роман «Война и мир», где он дает широкую картину русской жизни и описывает войну 1812-го года между Россией и Францией – поход Наполеона на Москву.

Лев Толстой также много работал в школах для крестьянских детей и писал простые короткие рассказы для народа, например, такие как: «Филиппок», «Акула», «Мужик и водяной», «Как мужик гусей делил» и другие. Он очень любил крестьян и призывал учиться у них простой мудрости.

* * *

О ПУШКИНЕ (1799-1837)

Александр Сергеевич Пушкин – великий русский поэт, родился в Москве. Он принадлежал к старому аристократическому роду. У его отца

была большая библиотека и Пушкин много читал и рано начал писать стихи. От своей няни он слышал много русских сказок и, живя в деревне, он хорошо изучил русскую жизнь.

Пушкин – глубоко национальный русский поэт и его значение для русской литературы такое же как значение Данте для Италии, Гете для Германии и Шекспира для Англии. Пушкина знают и любят в каждом русском доме и его стихи изучаются каждым школьником.

Пушкин писал и стихами и прозой. Он написал очень много и в его произведениях показана вся Россия. Самыми крупными произведениями Пушкина являются: «Евгений Онегин» - роман в стихах, «Борис Годунов» - трагедия, «Капитанская дочка» - исторический роман и другие. Многие произведения Пушкина переложены на музыку.

* * *

О ЛЕРМОНТОВЕ (1814 – 1841)

Михаил Юрьевич Лермонтов был вторым, после Пушкина, великим поэтом 19-го века в России. Он начал писать стихи, когда ему было только четырнадцать (14) лет. Но он умер очень молодым, - в возрасте двадцати семи (27) лет.

Лермонтов дал русской литературе много прекрасных стихов, а также и прозаических произведений. Самые известные из них: большая поэма «Демон» и роман «Герой нашего времени». Стихи Лермонтова пользуются большой популярностью, так как они очень красивы и глубоки по содержанию. Его драма «Маскарад» и другие прозаические произведения были поставлены в кино; а по его поэме «Демон» русский композитор Рубинштейн создал оперу «Демон».

* * *

О ЧЕХОВЕ (1860 – 1904)

Антон Павлович Чехов родился на юге России в городе Таганроге, где прошло его раннее детство и школьные годы. Литературный талант

Чехова проявился уже в гимназии, когда он сочинял рассказы и сценки для своих школьных товарищей. Отец Чехова был мелким лавочником и очень хотел, чтобы все его дети получили хорошее образование. Но когда он разорился, то Чехов должен был давать уроки и писать мелкие рассказы для юмористических журналов и для газет, чтобы продолжать учение.

Университетское образование Чехов получил в Москве, на медицинском факультете. После университета он несколько лет занимался медицинской практикой в провинциальной России, что дало ему богатый материал для познания жизни и для его литературных произведений.

Чехов очень любил литературу и потому оставил медицинскую практику и стал заниматься только литературой, чтобы через литературу принести пользу людям. И скоро он стал большим писателем, новеллистом и драматургом. Чехов очень хорошо знал жизнь всех русских классов и был глубоким психологом. Он всегда искал правду, искал смысла жизни и тосковал о прекрасном. Он хотел, чтобы жизнь была прекрасной для всех. Но его эпоха была эпохой безвременья и вокруг он видел много страдания. Поэтому в его произведениях так много грусти и тоски.

Чехов оставил нам много рассказов и повестей: «Учитель словесности», «Человек в футляре», «Ванька Жуков», «Степь» и так далее. У Чехова много и юмористических рассказов, таких, как «Хамелеон», «Лошадиная фамилия» и так далее. Кроме того, как драматург-новатор, Чехов оставил нам свои замечательные драмы и комедии – «Три сестры», «Чайка», «Дядя Ваня» и «Вишневый сад».

* * *

О ПАУСТОВСКОМ (1892 – 1968)

Константин Георгиевич Паустовский родился 18 мая 1892 года в Москве. Детство его прошло на Украине, в Киеве он окончил гимназию.

Первый рассказ Паустовский напечатал еще будучи гимназистом, в 1911 году. Мысль стать писателем появилась у Паустовского рано. В этом решении большую роль сыграла и семья, в особенности отец, считавший писательство одним из самых высоких призваний человека.

Окончив гимназию, Паустовский поступил в Киевский университет, затем перешел в Московский, но курса не окончил из-за первой мировой войны.

В самом начале своей писательской работы Паустовский убедился в том, что у него мало жизненного опыта и недостаточное знание людей. Поэтому он перестал писать и пошел работать, чтобы лучше узнать жизнь. Он много странствует по России и сознательно меняет профессии. Паустовский был вожатым и кондуктором трамвая в Москве, санитаром, рабочим на заводах в Москве, Брянске, плавал матросом, был преподавателем русской словесности и, наконец, прошел весь путь журналиста – от репортера до редактора газеты.

Первую мировую войну провел он на фронте в качестве санитаря. В годы гражданской войны Паустовский был в Красной Армии. Около десяти лет длился трудный процесс «обучения» у жизни и накопления материала. В 1924 году Паустовский снова начал писать. Первая книга его вышла в свет в 1926 году. С этого времени он оставил всякую другую работу и целиком ушел в литературу.

Паустовским выпущено более тридцати книг. Многие из них переведены на иностранные языки. Пьесы Паустовского шли во многих театрах. Во время Великой Отечественной войны Константин Георгиевич Паустовский работал военным корреспондентом.

Основные произведения Паустовского: «Встречные корабли», «Кара-Бугаз», «Озерный фронт», «Колхида», «Романтики», «Черное море», «Левитан», «Орест Кипренский», «Тарас Шевченко», «Северная

повесть», «Михайловские рощи», «Бросок на юг», «Книга скитаний», «Золотая роза».

Умер Паустовский в 1968 году.

Словарь:

призвание – способность, умение что-либо хорошо делать;

странствовать – путешествовать;

выйти в свет (о книге) – напечатать;

уйти в литературу – заниматься только литературной деятельностью.

* * *

ТЕЛЕГРАММА

Октябрь был холодный, дождливый. Крыши домов стали черными. По дорогам уже нельзя было ни пройти, ни проехать.

Екатерина Петровна жила была в Заборье, в старом доме, построенном ее отцом – известным художником. Жила она в этом доме совсем одна. Иногда к ней заходил старый сторож Тихон, помогал по хозяйству. Каждый раз, уходя, он спрашивал:

- Настя пишет вам или нет?

Екатерина Петровна молчала, сидя на диване, Тихон уходил, а Екатерина Петровна начинала тихонько плакать. Настя, ее дочь и единственный родной человек жила далеко, в Ленинграде. Последний раз она приезжала три года назад.

Екатерина Петровна понимала, что Насте теперь некогда. У них, у молодых, свои дела, свои непонятные интересы, свое счастье. Не надо мешать. Поэтому Екатерина Петровна очень редко писала Насте, но думала о ней все дни.

Писем от Насти тоже не было, но раз в два-три месяца веселый почтальон приносил с почты перевод на 20 рублей. Почтальон уходил, а Екатерина Петровна сидела, растерянная, с деньгами в руках. Потом она надевала очки и перечитывала несколько строк, написанных на почтовом переводе. Слова были одни и те же: столько дел, что нет времени не только приехать, но даже написать настоящее письмо.

Как-то в конце октября, когда Екатерина Петровна почувствовала себя особенно плохо, она написала Насте письмо:

«Ненаглядная моя, - писала Екатерина Петровна, - зиму эту я не доживу. Приезжай хоть на один день. Дай поглядеть на тебя, подержать твои руки. Стара я стала и слаба. Тяжело не только ходить, но даже сидеть и лежать – смерть забыла ко мне дорогу. Осень в этом году плохая. Так тяжело. Вся жизнь, кажется, не была такая длинная, как одна эта осень».

Настя работала секретарем в Союзе художников. Работы было много. Устройство выставок, конкурсов – все это проходило через ее руки.

Письмо Екатерины Петровны Настя получила на службе. Она спрятала его в сумочку, не читая, - решила прочесть после работы. Письма от Екатерины Петровны вызывали у Насти вздох облегчения: раз мать пишет

– значит жива. Но вместе с тем от них начиналось глухое беспокойство, будто каждое письмо было безмолвным укором.

После работы Насте надо было пойти в мастерскую молодого скульптора, посмотреть, как он живет, чтобы доложить об этом правлению Союза художников.

На одной из площадок Настя достала зеркальце, напудрилась и усмехнулась – сейчас она нравилась самой себе. Художники звали ее Сольвейг за русые волосы и большие холодные глаза.

- Куда там сейчас ехать! – сказала она. – Разве отсюда вырвешься!

Она подумала о переполненных поездах, тряской телеге, засохшем саде, неизбежных материнских слезах, о тягучей, ничем не скрашенной скуке сельских дней – положила письмо в ящик письменного стола.

Две недели Настя занималась устройством выставки. Выставка удалась. На открытии выставки все хвалили молодого скульптора, благодарили Настю за заботу о нем.

Во время выступления одного старого художника в дверях появилась уборщица и подала Насте телеграмму. Настя прочла телеграмму, но ничего не поняла: «Катя умирает. Тихон».

- Какая Катя? Какой Тихон? – растерянно подумала Настя. – Должно быть это не мне.

Она посмотрела на адрес: «Заборье». Телеграмма была ей.

Кто-то тронул ее сзади за руку. Это был старый вспыльчивый художник.

- Что? – спросил он шепотом, показывая глазами на скомканную в руке Насти телеграмму. – Ничего неприятного?

- Нет, - ответила Настя. – Это так. . . От одной знакомой.

Настя встала, вышла, торопливо оделась внизу и выбежала на улицу.

Шел снег, Настя села на скамейку в сквере и горько заплакала. Снег таял на лице, смешиваясь со слезами.

- Поздно, маму я не увижу, - сказала она про себя и вспомнила, что за последний год она впервые произнесла это детское милое слово – «мама».

. . . Старый Тихон пришел на почту, пошептался с почтарем Василием, взял у него телеграфный бланк, вертел его долго, вытирал руками усы, что-то писал на бланке корявыми буквами. Потом осторожно сложил бланк, засунул а шапку и поплелся к Екатерине Петровне.

Екатерине Петровне было плохо.

Когда пришел Тихон, он долго кашлял, сморкался и видимо был взволнован.

- Что, Тиша? – бессильно спросила Екатерина Петровна.

- Похолодало, Екатерина Петровна! – бодро сказал Тихон и с беспокойством посмотрел на свою шапку. – Снег скоро выпадет.

Наконец он решил.

- Вот! – сказал Тихон и протянул Екатерине Петровне телеграмму.

Но Екатерина Петровна не могла уже читать. Тогда Тихон испуганно огляделся, пригладил редкие волосы и глухим неуверенным голосом

прочел: «Дождитесь, выехала. Остаюсь всегда любящая дочь ваша Настя».

- Не надо, Тиша! – тихо сказала Екатерина Петровна. – Не надо, милый! Спасибо тебе за доброе слово, за ласку.

Екатерина Петровна с трудом отвернулась к стене, потом как будто уснула.

Тихон долго сидел в прихожей на лавочке, курил, опустив голову, вздыхал.

В Заборье Настя приехала на второй день после похорон. Екатерина Петровна умерла, так и не дождавшись дочери. В холодной темной комнате Екатерины Петровны Настя проплакала всю ночь.

Уехала Настя из Заборья тайком, стараясь, чтобы никто не увидел ее, ни о чем не расспрашивал. Ей казалось, что никто, кроме Екатерины Петровны, не мог снять с нее вины, невыносимой тяжести.

Словарь:

некогда – нет времени;

растерянный – не знающий как поступить, как действовать от волнения;

ненаглядная – любимая, дорогая;

смерть забыла ко мне дорогу – смерть не приходит;

все проходило через ее руки – все делала сама;

служба – работа;

глухое беспокойство – непонятное волнение;

безмолвный – молчаливый;

укор – осуждение;

доложить – сообщить;

Сольвейг – героиня северных легенд, воспетая Ибсеном;

выставка удалась – имела успех;

вспыльчивый – раздражительный, склонный приходить внезапно в волнение;

скомканный – смятый;

шептать – говорить очень тихо;

корявые буквы – некрасивые, неровные;

поплестись – идти медленно, неохотно;

тайком – тайно, скрытно, чтобы никто не видел;

снять вину – простить.

Задание 1. Ответьте на вопросы.

1. Расскажите об Екатерине Петровне.
2. Где жила и чем занималась ее дочь Настя, помогала ли она старой, больной матери?
3. Почему Настя, получив от Тихона телеграмму о болезни матери, не поехала к ней?
4. В чем вы видите вину Насти?
5. В чем нравственный смысл рассказа «Телеграмма»?

6. В чем по вашему мнению заключается моральный долг детей перед своими родителями?

Задание 2. Подберите синонимы к прилагательным:

холодный, дождливый, длинный, тяжелый, веселый, теплый.

Задание 3. Придумайте предложения со словами:

благодарить, заботиться, сожалеть, хвалить.

* * *

СТАРЫЙ ПОВАР

В один из зимних вечеров 1786 года на окраине Вены в маленьком деревянном доме умирал слепой старик – бывший повар графини Тун. Собственно говоря, это был даже не дом, а ветхая сторожка, стоявшая в глубине сада. Сад был завален гнилыми ветками, сбитыми ветром. При каждом шаге ветки хрустели, и тогда начинал тихо ворчать в своей будке цепной пес. Он тоже умирал, как и его хозяин, от старости и уже не мог лаять.

Несколько лет назад повар ослеп от жара печей. Управляющий графини поселил его с тех пор в сторожке и выдавал ему время от времени несколько флоринов.

Вместе с поваром жила его дочь Мария, девушка лет восемнадцати. Все убранство сторожки составляли кровать, хромые скамейки, грубый стол, фаянсовая посуда, покрытая трещинами, и, наконец, клавесин, единственное богатство Марии.

Клавесин был такой старый, что струны его пели долго и тихо в ответ на все возникавшие вокруг звуки. Повар, смеясь, называл клавесин «сторожем своего дома». Никто не мог войти в дом без того, чтобы клавесин не встретил его дрожащим, старческим гулом.

Когда Мария умыла умирающего и надела на него холодную чистую рубаху, старик сказал:

- Я всегда не любил священников и монахов. Я не могу позвать исповедника, между тем мне нужно перед смертью очистить свою совесть.

- Что же делать? – испуганно спросила Мария.

- Выйди на улицу, - сказал старик, - и попроси первого встречного зайти к нам в дом, чтобы исповедать умирающего. Тебе никто не откажет.

- Наша улица такая пустынная ... - прошептала Мария, накинула платок и вышла.

Она пробежала через сад, с трудом открыла заржавленную калитку и остановилась. Улица была пуста. Ветер нес по ней листья, а с темного неба падали холодные капли дождя.

Мария долго ждала и прислушивалась. Наконец ей показалось, что вдоль ограды идет и напевает человек. Она сделала несколько шагов

навстречу, столкнулась с ним и вскрикнула. Человек остановился и спросил:

- Кто здесь?

Мария схватила его за руку и дрожащим голосом передала просьбу отца.

- Хорошо, - сказал человек спокойно. – Хоть я не священник, но это все равно. Пойдемте.

Они вошли в дом. При свече Мария увидела худого маленького человека. Он сбросил на скамейку мокрый плащ. Он был одет с изяществом и простотой – огонь свечи поблескивал на его черном камзоле, хрустальных пуговицах и кружевном жабо.

Он был еще очень молод, этот незнакомец. Совсем по-мальчишески он тряхнул головой, поправил напудренный парик, быстро придвинул табурет к кровати, сел и, наклонившись, пристально и весело посмотрел в лицо умирающему.

- Говорите! – сказал он. – Может быть, властью, данной мне не от бога, а от искусства, которому я служу, я облегчу ваши последние минуты и сниму тяжесть с вашей души.

- Я работал всю жизнь, пока не ослеп, - прошептал старик и притянул незнакомца за руку к себе. – А кто работает, у того нет времени грешить. Когда заболела чахоткой моя жена – ее звали Мартой – и лекарь прописал ей разные дорогие лекарства и приказал кормить ее сливками и винными ягодами и поить горячим красным вином, я украл из сервиза графини Тун маленькое золотое блюдо, разбил его на куски и продал. И мне тяжело теперь вспоминать об этом и скрывать от дочери: я научил ее не трогать ни пылинки с чужого стола.

- А кто-нибудь из слуг графини пострадал за это? – спросил незнакомец.

- Клянусь, сударь, никто, - ответил старик и заплакал. Если бы я знал, что золото не поможет моей Марте, разве я мог бы украсть?

- Как вас зовут? – спросил незнакомец.

- Иоганн Мейер, сударь.

- Так вот, Иоганн Мейер, - сказал незнакомец и положил ладонь на слепые глаза старика, - вы невинны перед людьми. То, что вы совершили, не есть грех и не является кражей, а наоборот, может быть зачтено вам как подвиг любви.

- Аминь! – прошептал старик.

- Аминь! – повторил незнакомец. – А теперь скажите мне вашу последнюю волю.

- Я хочу, чтобы кто-нибудь позаботился о Марии.

- Я сделаю это. А еще чего вы хотите?

Тогда умирающий неожиданно улыбнулся и громко сказал:

- Я хотел бы еще раз увидеть Марту такой, какую я встретил ее в молодости. Увидеть солнце и этот старый сад, когда он зацветет весной.

Но это невозможно, сударь. Не сердитесь на меня за глупые слова. Болезнь, должно быть, совсем сбила меня с толку.

- Хорошо, - сказал незнакомец и встал. – Хорошо, - повторил он, подошел к клавесину и сел перед ним на табурет. – Хорошо! – громко сказал он в третий раз, и внезапно быстрый звон рассыпался по сторожке, как будто на пол бросили сотни хрустальных шариков.

- Слушайте, - сказал незнакомец. – Слушайте и смотрите.

Он заиграл. Мария вспоминала потом лицо незнакомца, когда первый клавиш прозвучал под его рукой. Необыкновенная бледность покрывала его лоб, а в потемневших глазах качался язычок свечи.

Клавесин пел полным голосом впервые за многие годы. Он наполнял своими звуками не только сторожку, но и весь сад. Старый пес вылез из будки, сидел, склонив голову набок, и, насторожившись, тихонько помахивал хвостом. Начал идти мокрый снег, но пес только потряхивал ушами.

- Я вижу, сударь! – сказал старик и приподнялся на кровати. – Я вижу день, когда я встретился с Мартой и она от смущения разбила кувшин с молоком. Это было зимой в горах. Небо стояло прозрачное, как синее стекло, и Марта смеялась. Смеялась, - повторил он, прислушиваясь к журчанию струн.

Незнакомец играл, глядя в черное окно.

- А теперь, - спросил он, - вы видите что-нибудь?

Старик молчал, прислушиваясь.

- Неужели вы не видите, - быстро сказал незнакомец, не переставая играть, - что ночь из черной сделалась синей, а потом голубой, и теплый свет уже падает откуда-то сверху, и на старых ветках ваших деревьев распускаются белые цветы. По-моему, это цветы яблони, хотя отсюда, из комнаты, они похожи на большие тюльпаны. Вы видите: первый луч упал на каменную ограду, нагрел ее, и от нее подымается пар. Это, должно быть, высыхает мох, наполненный растаявшим снегом. А небо делается все выше, все синей, все великолепнее, и стаи птиц уже летят на север над нашей старой Веной.

- Я вижу все это! – крикнул старик.

Тихо проскрипела педаль, и клавесин запел торжественно, как будто пел не он, а сотни ликующих голосов.

- Нет, сударь, - сказала Мария незнакомцу, - эти цветы совсем не похожи на тюльпаны. Это яблони распустились за одну только ночь.

- Да, - ответил незнакомец, - это яблони, но у них очень крупные лепестки.

- Открой окно, Мария, - попросил старик.

Мария открыла окно. Холодный воздух ворвался в комнату. Незнакомец играл очень тихо и медленно.

Старик упал на подушки, жадно дышал и шарил по одеялу руками. Мария бросилась к нему. Незнакомец перестал играть. Он сидел у клавесина, не двигаясь, как будто заколдованный собственной музыкой.

Мария вскрикнула. Незнакомец встал и подошел к кровати. Старик сказал, задыхаясь:

- Я видел все так ясно, как много лет назад. Но я не хотел бы умереть и не узнать . . . имя. Ваше имя!

- Меня зовут Вольфганг Амадей Моцарт, - ответил незнакомец.

Мария отступила от кровати и низко, почти касаясь коленом пола, склонилась перед великим музыкантом.

Когда она выпрямилась, старик был уже мертв. Заря разгоралась за окнами, и в ее свете стоял сад, засыпанный цветами мокрого снега.

Словарь:

графиня – жена графа, граф – дворянский титул в Европе;

ветхий – старый;

сторожка – домик сторожа;

завалить – засыпать, забросать что-то чем-то;

хруст – звук чего-то ломающегося;

ворчать – издавать низкие звуки, выражающие недовольство;

цепной пес – собака, привязанная цепью;

ослепнуть – потерять зрение;

управляющий – тот, кто руководит, управляет чем-то;

флорин – австрийская мелкая монета;

убранство – обстановка в доме;

хромые скамейки – скамейки со сломанными ножками;

клавесин – старинный музыкальный инструмент;

священник – служитель церкви;

монах – член религиозной общины, живущий в монастыре;

очистить свою совесть – рассказать о каком-то плохом поступке, чтобы не обвинять себя потом;

исповедовать (кого-либо) – выслушать правдивый рассказ человека о чем-то, расспросить о чем-то;

заржавленная калитка – калитка, покрытая ржавчиной;

одет с изяществом и простотой – красиво, но просто;

камзол – вид одежды;

кружево – сетчатое, узорчатое изделие для украшения одежды;

парик – накладные волосы, нашитые на матерчатую основу;

снять тяжесть с души – успокоить, облегчить;

грешить – совершать плохие поступки;

чахотка – тяжелое заболевание легких;

лекарь – врач;

украсть – взять чужое;

не трогать ни пылинки с чужого стола – ничего не брать чужого;

сударь – обращение к человеку, то же – господин;

сбить с толку – запутать;

журчать – производить монотонный булькающий долгий звук (вода журчит);

заколдованный – по суеверным представлениям, находящийся во власти сверхъестественных сил.

Задание 1. К следующим прилагательным подберите существительные:
бедный, скромный, долгий, спокойный, чужой, прозрачный.

Задание 2. В следующих предложениях подчеркнутые слова и словосочетания замените словами с противоположным значением.

1. Старый повар жил в центре города в большом доме.
2. Обстановка в доме была богатая.
3. Улица была полна народа.
4. Девушка сняла платок и выбежала на улицу.
5. Музыкант отказался помочь умирающему старику.
6. Марта плакала от счастья.

Задание 3. В следующих предложениях подчеркнутые слова и словосочетания замените близкими по смыслу, взяв их из текста. Где это необходимо, измените падежи.

Обстановка в доме была простая. На улице никого не было. Старому повару тяжело было сказать дочери, что он украл золотое блюдо. Музыкант играл, смотря в черное окно.

Задание 4. Ответьте на вопросы.

1. Где жил старый повар и с кем?
2. Какова была обстановка в доме?
3. С какой просьбой обратился старый повар к дочери?
4. Кого и где встретила Мария и привела в дом к умирающему отцу?
5. Что рассказал незнакомцу старый повар и с какими просьбами обратился к нему?
6. Как облегчил последние минуты жизни старого повара незнакомец?
7. Кем оказался этот музыкант? Слышали ли вы произведения этого композитора?

* * *

КРУЖЕВНИЦА НАСТЯ

Ночью в Горах Алатау глухо гремела гроза. Испуганный громом, большой зеленый кузнечик прыгнул в окно госпиталя и сел на кружевную занавеску. Раненый лейтенант Руднев поднялся на койке и долго смотрел на кузнечика и на занавеску.

Наступило утро. Грозное желтое небо все еще дымилось за окнами. Две радуги-подруги опрокинулись над вершинами. Мокрые цветы диких пионов горели на подоконнике, как раскаленные угли. Было душно. Пар

подымался над сырыми скалами. В пропасти рычал и перекатывал камни ручей.

- Вот она, Азия! – вздохнул Руднев. – А кружево-то на занавеске наше, северное. И плела его какая-нибудь кружевница Настя.

- Почему вы так думаете?

Руднев улыбнулся.

- Мне вспомнилась, - сказал он, - история, случившаяся на моей батарее под Ленинградом.

Он рассказал мне эту историю.

Летом 1940 года ленинградский художник Балашов уехал охотиться и работать на Север. В первой понравившейся ему деревушке Балашов сошел с парохода и поселился в доме сельского учителя.

В этой деревушке жила со своим отцом – лесным сторожем – девушка Настя, знаменитая в тех местах кружевница и красавица. Настя была молчалива и сероглаза, как все девушки-северянки.

Однажды на охоте отец Насти неосторожным выстрелом ранил Балашова в грудь. Раненого принесли в дом сельского учителя. Удрученный несчастьем старик послал Настю ухаживать за раненым.

Настя выходила Балашова, и из жалости к раненому родилась первая ее девичья любовь . . . Но Балашов ничего не заметил.

У Балашова в Ленинграде была жена, но он ни разу никому не рассказывал о ней. Все в деревне были убеждены, что Балашов человек одинокий.

Как только рана зажила, Балашов уехал в Ленинград. Перед отъездом он пришел к Насте поблагодарить ее за заботу и принес подарки. Настя приняла их.

Балашов впервые попал на Север. Он не знал местных обычаев. Он не знал, что мужчина, который пришел без зова в избу к девушке и принес ей подарок считается, если подарок принят, ее женихом. Так на Севере говорят о любви.

Настя робко спросила, когда же он вернется из Ленинграда к ней в деревню. Балашов, ничего не подозревая, шутливо ответил, что вернется очень скоро.

Балашов уехал. Настя ждала его. Прошло лето, прошла осень, но Балашов не возвращался. Нетерпеливое радостное ожидание сменилось у Насти тревогой, отчаянием, стыдом. По деревне уже шептались, что жених ее обманул. Но Настя не верила этому, она была убеждена, что с Балашовым случилось несчастье.

Весна принесла новые муки. Пришла она поздно, тянулась очень долго. Настя решила тайком от отца уехать в Ленинград и разыскать там Балашова. Она ушла ночью из деревушки. Через два дня она дошла до железной дороги и узнала на станции, что утром этого дня началась война. Через огромную страну никогда не выдавшая поезда девушка добралась до Ленинграда и разыскала квартиру Балашова.

Насте открыла дверь жена Балашова. Она с недоумением осмотрела Настю и сказала, что Балашова нет дома. Он на фронте под Ленинградом.

Настя узнала правду – Балашов был женат. Значит, он обманул ее, насмеялся над ее любовью. Насте было страшно говорить с женой Балашова. Ей было страшно в городской квартире.

Настя убежала. Она шла в отчаянии по городу, превращенному в вооруженный лагерь. Она не замечала ни зенитных пушек на площадях, ни памятников, заваленных мешками с землей, ни торжественных зданий.

Она вышла к Неве. Река несла черную воду в уровень с гранитными берегами. Вот здесь, в этой воде, должно быть, единственное избавление от обиды и любви.

Настя сняла с головы старенький платок, подарок матери, и повесила его на перила. Потом она поправила тяжелые косы и поставила ногу на перила. Ее кто-то схватил за руку. Настя обернулась. Худой человек в забрызганном желтой краской рабочем костюме стоял сзади. Полотер покачал головой и сказал: «В такое время что задумала, дура!».

Человек этот – полотер Трофимов – увел Настю к себе домой и познакомил с женой – лифтершей, женщиной шумной, решительной, презиравшей мужчин.

Трофимовы приютили Настю. Она долго болела. От лифтерши Настя впервые услышала, что Балашов ни в чем не виноват, что никто не обязан знать их северные обычаи и что только такие наивные девушки, как Настя, могут полюбить без памяти первого встречного. Лифтерша ругала Настю, а Настя радовалась, что она не обманута, и все еще надеялась увидеть Балашова.

Полотера вскоре взяли в армию, и лифтерша с настей остались одни. Когда Настя выздоровела, лифтерша устроила ее на курсы медицинских сестер. Врачи – учителя Насти – были поражены ее способностью делать перевязки, ловкостью ее тонких и сильных пальцев. «Да ведь я кружевница», - отвечала она им, как бы оправдываясь.

Прошла зима. Настя окончила курсы, ждала отправки на фронт и по ночам думала о Балашове, о старом отце, который так до конца жизни и не поймет, зачем она тайком ушла из дома.

Весной Настю, наконец, отправили на фронт под Ленинградом. Всюду она искала Балашова, спрашивала о нем.

На фронте Настя встретила полотера, и болтливый этот человек рассказал бойцам о девушке-северянке, ищущей на фронте любимого человека. Слух об этой девушке начал быстро расти, переходя из части в часть. Бойцы завидовали неизвестному человеку, которого ищет девушка, и вспоминали своих любимых. У каждого были они в мирной жизни, и каждый берег в душе память о них. Рассказывая друг другу о девушке-северянке, бойцы меняли подробности этой истории.

Каждый клялся, что Настя – девушка из его родных мест. Слух о Насте дошел и до части, где служил Балашов. Художник, как и другие бойцы, был взволнован историей незнакомой девушки, ищущей любимого, был

поражен силой ее любви. Он часто думал об этой девушке и начал завидовать тому человеку, которого она любила. Откуда он мог знать, что завидует самому себе?

Личная жизнь не удалась Балашову. Всю жизнь он мечтал о большой любви, но теперь уже поздно думать об этом. На висках седина . .

Случилось так, что Настя нашла часть, где служил Балашов, но не нашла его – он был убит за два дня до того . . .

Руднев замолчал. Его спросили, что было потом. Он ответил, что потом бойцы сражались, как одержимые, а Настя отдала всю заботу раненым и стала лучшей медицинской сестрой на этом участке фронта.

Словарь:

горы Алатау – горы в Средней Азии;

глухо – невнятно, незвонко;

койка – кровать;

опрокинуться – перевернуться вверх дном;

рычать – (здесь) шуметь;

батарея – артиллерийское подразделение из нескольких орудий, минометов;

удрученный – огорченный, глубоко переживающий;

выходить – помочь выздороветь;

зажить (о ране) – затянуться кожей;

без зова – без приглашения;

изба – деревянный крестьянский дом;

тайком – тайно, без разрешения;

насмеяться над любовью – посмеяться;

зенитные пушки – пушки для стрельбы по самолетам;

завалить – забросать, закрыть доверху;

первый встречный – случайный, посторонний человек;

любить без памяти – сильно любить;

личная жизнь не удалась – не получилась, сложилась неудачно.

Задание 1. Ответьте на вопросы.

1. Что вспомнил лейтенант Руднев, глядя на горы Алатау и пейзажи Азии?
2. Когда и при каких обстоятельствах познакомились Настя с художником Балашовым?
3. Почему Настя, полюбив художника, думала, что он тоже ее любит и вернется к ней?
4. Почему Настя решила тайком ехать в Ленинград в 1941 году?
5. Что помешало Насте найти Балашова?
6. Как Настя попала на фронт?
7. Как возникла легенда о Насте-кружевнице?
8. Нашла ли Настя Балашова?

Задание 2. Замените данные словосочетания по образцу:

девушка с Севера – северянка:

девушка с юга; студент из Ленинграда; корреспондент из Москвы; артист из Франции; спортсмен из Африки; певец из Латинской Америки.

Задание 3. Используя содержание рассказа составьте предложения со следующими выражениями:

ухаживать за раненым; не знать местных обычаев; бежать тайком; полюбить без памяти; насмеяться над любовью; ждать отправки на фронт; беречь память о ком-либо.

* * *

БОНДАРЕВ Ю.В.

Русский писатель. Родился в 1924 году. В годы Великой Отечественной войны воевал на фронте. Начал печататься в 1949 году. Большую известность получили его произведения о войне: «Горячий снег», «Последние залпы», «Батальоны просят огня», «Тишина», «Выбор», «Берег».

* * *

ПРОСТИТЕ НАС !

(рассказ)

Южный экспресс задержался здесь не более пяти минут. Павел Георгиевич долго стоял на безлюдной платформе. После духоты вагона, утомительных дорожных разговоров в накуренном купе, ненужных знакомств, Павла Георгиевича охватила неправдоподобная тишина, казалось, совсем как в детстве.

Он не без удовольствия сел на чемодан, перекинул плащ через плечи. Хотя по роду своей профессии ему не так много приходилось ездить, он непонятно почему любил гудки паровозов, стук колес, теплый ветер от бегущих вагонов – все это будило смутное желание и движение, к перемене мест.

Иногда в Москве, до глубокой ночи засиживаясь над чертежами, он поднимал голову, глядя в распахнутое окно и, задумавшись, подолгу слушал, как над спящим городом перекликались на вокзалах ночные поезда. Порой гудки мешали ему, отчего-то тогда вспоминалась степь при вечернем закате, он бросал работу, на цыпочках, чтобы не разбудить жену, уходил из дому, бродил по пустынным и тихим улицам.

Павел Георгиевич Сафонов работал на большом заводе конструктором, был известен, с годами привык к этой известности и, казалось, даже немного устал от нее, как порой устают люди, когда к ним рано приходит успех.

В этом году Сафонов был в санатории на Южном берегу Крыма. Солнечный юг с его сухой жарой, купанье, весь санаторный режим

располагали к безделью, и мысли в эту жару тоже были ленивые, и хотелось быстрее в Москву, к осенним дождям, мокрому асфальту.

Южный экспресс, на котором Сафонов возвращался из санатория, мчал его по знакомым местам, где Павел Георгиевич родился, вырос, где он не был много лет. Утром, глядя в окно на прохладную степь, Сафонов с грустью вспомнил то, что уже было полузабыто: вот он, мальчишка в грязной рубашке, бежит за поездом неизвестно куда, и влажная трава приятно холодит ноги. Сколько тогда ему было лет? Воспоминания возвращали его в давний мир, напоминали, что ему уже за 40 и что не так много сделано в жизни.

И вдруг его непреодолимо потянуло побывать в родном степном городке: побродить по нему, почитать афиши на заборах, увидеть старые названия улиц, узнать, что изменилось в нем за многие годы, встретить знакомых школьных лет. Ему страстно захотелось посидеть с другом юности Витькой Снегиревым где-нибудь в летнем кафе, вспомнить то давнее и милое, что уже никогда не повторится но что все-таки было когда-то в его жизни.

Павел Георгиевич вошел в купе, где все спали, взял плащ, чемодан и к удивлению заспанного проводника, бесшумно подметающего в коридоре, сошел на маленькой станции ранним утром. Он сошел не на вокзале в городе, а именно здесь, чтобы дойти до города пешком. Южный экспресс быстро ушел, все стихло. Сидя на чемодане, он с наслаждением вдохнул чистый, как ключевая вода, воздух.

Когда Сафонов вошел в родной город, окраины встретили длинными тенями от старых тополей, кое-где в садах ветви яблонь свешивались через заборы. Сафонов глубоко вдыхал запах садовой свежести, все напоминало ему детство – как давно это было! Да было ли?

Весь день он ходил по городу и не узнавал его. Старинный степной городок был точно заново выстроен: центр сверкал зеркальными витринами, куда-то спешила пестрая толпа, милиционеры регулировали движение, люди стояли на троллейбусных остановках в тени акаций, везде продавали газированную воду, как в Москве на улице Горького . . . А раньше тут зевали от жары, лениво покрикивая, бородатые мороженщики в передниках, похожие на дворников, и залитые зноем улицы были безлюдны, только собаки лежали в прохладе крылец, дремали, высунув языки.

Он четыре раза не спеша прошел по той улице, где родился и где прежде стоял его низенький, глинобитный домик. Теперь на этом месте был бульвар.

Ничего не осталось от прежнего, от его детства, ничего не осталось . . . И было обидно, непонятно это, будто отняли что-то у него, чего нельзя было отнимать.

Но где сейчас Витька Снегирев, где Вера? Витька – первая мальчишеская дружба, Вера – первая любовь, с первым неумелым поцелуем, который он помнил. Его вдруг потянуло на Садовую, там, на

этой улице, густо поросшей деревьями, жил в том мире детства Витька Снегирев, а на углу, возле аптеки, в маленьком доме – Вера. Он хотел что-нибудь узнать о них: «Что с ними? Как они?».

Садовая улица была прежней. Сафонов глядел по сторонам на эти милые с детства одноэтажные дома и жадно искал здесь старое,, знакомое, неповторимое.

«Вот он . . . домик Витьки Снегирева!». Его встретила пожилая женщина. Он ее не знал. «Нет, Снегиревы здесь после войны не живут. Уехали все. Они в Свердловске. Кажется, сын у них директор завода. Два года назад в отпуск приезжал. А вы кто будете, гражданин? Родственник?». Павел Георгиевич пробормотал: «Да, дальний родственник», - и тихо спустился с крыльца.

Куда идти? И все-таки он не терял еще надежды найти кого-либо, узнать о ком-нибудь, он хорошо помнил домик под тополями, где когда-то жила Вера.

Однако к этому дому он подходил с волнением. Неужели он еще любил ее? Не понимал, что владело им, женатым и семейным человеком, - возможно, мгновенное чувство острого сожаления, что все получилось как-то не так, возможно, воспоминания о мелькнувшем давным-давно счастье. Он вытер пот со лба, нажал кнопку звонка и ждал. Постаревшая Верина мать (он тотчас узнал ее, но она не сразу узнала его: «Павлуша, ты ли это?») посадила его на диван и стала расспрашивать, а он с нетерпением ожидал, когда она кончит задавать вопросы, спросил наконец:

- А где Вера? Где она?

- Вера? – она странно посмотрела на него. – Вера? – повторила она тише и отвернулась.

- Разве ты не знаешь, Павлуша? Нет Веры . . . Она ведь на войне санитаркой . . .

- Не может быть, - растерянно сказал Сафонов.

Он теперь не знал, куда идти, кого искать, и совсем бесцельно зашел в летнее кафе на углу. Было жарко, не хотелось есть, но подошла официантка, он заказал две бутылки пива, долго сидел, устало глядя на город, почему-то чужой ему сейчас. Было тоскливо, одиноко. Он пошел снова бродить по городу, но так никого и не встретил. В десятом часу вечера он направился в сторону вокзала.

В этом городе никто не знал его, только Верина мать . . .

Он подошел к троллейбусной остановке, поднял голову и внезапно увидел свою школу – четырехэтажная, с темными окнами, она стояла, как и тогда . . . Она не изменилась. Она была прежней, как в детстве, как много лет назад. Он вошел в пустынный школьный парк. И сел под старой акацией, около которой когда-то играли на переменах. Он погладил ствол акации и засмеялся, как будто встретил старого знакомого.

Он с волнением и любопытством посмотрел на темное здание школы, вдруг заметил справа красный огонек. Неужели Мария Петровна? Здесь жила Мария Петровна, его учительница по математике, как же он сразу о

ней не подумал, не вспомнил! Ведь он был ее любимцем, она пророчила ему блестящее математическое будущее . . .

Сафонов зашагал по аллее в глубину парка. Сколько лет они не виделись! Жива ли она? Что с ней? Сафонов осторожно поднялся на крыльцо. Он хотел постучать – дверь оказалась открытой, он вошел. В доме никого не было.

- Кто там? – послышалось за его спиной.

Павел Георгиевич оглянулся. В двери стояла невысокая худенькая женщина, и он сразу узнал ее.

- Мария Петровна, - тихо сказал он, - Вы меня не узнаете?

Она несколько секунд всматривалась в него.

- Паша Сафонов . . . Паша? – проговорила она почти испуганно. – Садись, пожалуйста, вот сюда. К столу, Паша . . . Ты приехал?

- Да, да, я сейчас! – обрадованно заговорил Сафонов, вешая плащ, шляпу на вешалку, где виднелось одинокое пальто Марии Петровны . И, вешая, не понимал, почему это он, взрослый человек, робел, краснел, как школьник.

Они сели за стол. Мария Петровна, улыбаясь близорукими глазами, все повторяла:

- Ну вот, Паша, ты приехал . . . не узнать. Ты в командировку, по делам?

- Я проездом, Мария Петровна, - ответил он и не сказал, что отдыхал на юге, о чем говорить было, наверно, неудобно.

- Мы сейчас с тобой будем пить чай. – И она встала и внезапно снова села. – Да, да, Паша. Совсем не ожидала

Пить чай ему не хотелось: хотелось ему только вот так сидеть за столом, смотреть на Марию Петровну, говорить, спрашивать . . . Но Мария Петровна взяла чайник.

- Я сейчас, Паша . . . Прости , что я называю тебя так. Ты ведь теперь . . . Она не договорила, вышла на кухню. Павел Георгиевич огляделся. Она была, как и до войны, одинока и жила в той же маленькой комнатке с одним окошком в сад. Все было по-прежнему: стол, кровать, широкий шкаф с книгами, посреди стола – чернильница, тетради, рядом – красный карандаш.

Вошла Мария Петровна с чайником, весело сказала:

- Все готово! Ну, Паша, рассказывай о себе, что ты, как? А впрочем, я многое о тебе знаю. Из газет. Книгу твою читала. Ты женился? – спросила она.

- Да, Мария Петровна. У меня сын.

- Ну, хорошо! А как работа? Над чем работаешь?

- Над новой конструкцией, Мария Петровна.

- Ну и как? Удачно?

- Пока не знаю. Знаете что, Мария Петровна, давайте говорить о прошлом, о школе . . .

- Я хорошо помню ваш класс. Довоенный класс. Это были озорные, способные мальчишки. И хорошо помню твою дружбу с Витей Снегиревым.

- А помните, Мария Петровна, как Вы мне ставили «плохо» по алгебре? В седьмом классе, кажется?

- Да. За то, что ты не делал домашних заданий. А математика прекрасно тебе давалась. Но ты был ленив.

Она налила в чашки чай, задумалась и спросила:

- Ты помнишь Мишу Шехтера?

- Ну, конечно! Завидовал ему! Какие он писал сочинения по литературе! У меня ничего не получалось!

- Он стал журналистом, - медленно проговорила Мария Петровна. – Ездит по всей стране, за границу. Часто читаю его статьи. И часто вспоминаю . . .

- Он заезжал?

- Нет.

- Да, - сказал Сафонов. – Разлетелись . . . Я слышал, Витька Снегирев – директор завода на Урале. Мария Петровна, а кто заходил к Вам, кого Вы встречали из нашего класса? – спросил Сафонов. – Гришу Самойлова видели? Артист.

- Я его видела только в кино, Паша.

- Неужели не приезжал?

Мария Петровна не ответила, она, наклонив голову, мешала ложечкой в чашке, и он с какой-то внезапной жалостью увидел: морщины вокруг ее губ, ее тонкую слабую шею, короткие, совсем белые волосы, и что-то больно, тоскливо сжалось у него в груди. Он подумал, что, если бы она умерла, он не знал бы этого. И не знали бы другие . . .

- Мария Петровна, - тихо повторил Сафонов, - Витя Снегирев, значит, не был у Вас? Кажется, он в прошлом году заезжал сюда.

- Нет, не был.

- Кто-нибудь пишет Вам?

- Нет, Паша, - сказала она. – Ко мне часто заходит Коля Сибирцев. Он работает на шахте. У него неудачно сложилась жизнь. Он часто заходит.

Сафонов плохо помнил Колю Сибирцева. Он, кажется, был тихим, робким, никакими способностями не отличался.

- Плохо помню его, - пожав плечами, сказал Сафонов. – Забыл!.

- Очень плохо, - не то насмешливо, не то осуждающе проговорила Мария Петровна.

Они помолчали. Но от этих последних слов «очень плохо» Сафонову стало не по себе, он понял двойной их смысл. В наступившей тишине он увидел, что Мария Петровна смотрит на книжный шкаф. Он тоже посмотрел и заметил в первом ряду свою последнюю книгу по самолетостроению.

- У Вас моя книга? – проговорил Павел Георгиевич и тотчас замолчал, вспомнив, что эту книгу он не присылал ей.

- Да, я читала.

Тогда он встал, вынул из шкафа свою книгу, полистал, и, чувствуя, что его лицо начинает гореть, проговорил сконфуженно:

- Мария Петровна, я Вам надпишу. Разрешите?

Неожиданно из книги выпал маленький листок, он торопливо поднял его, увидел свой портрет, вырезанный из газеты, и оглянулся на Марию Петровну.

- Неплохая книга . . . Прочитала с интересом. А это из «Правды», Паша. Когда я увидела, я дала тебе телеграмму.

Он со стыдом вспомнил, что действительно получил телеграмму два года назад среди других поздравительных телеграмм и не ответил на нее, хотя ответил на другие.

Она вышла его проводить. Он молчал. Мария Петровна робко спросила:

- Скажи, Паша, хоть капелька моего труда есть в твоей работе?

- Мария Петровна, что Вы говорите? - забормотал он. – Если бы не Вы!

Она посмотрела ему в глаза, сказала:

- Ты думаешь я не рада? Какой гость был у меня! Ты думаешь, я не скажу об этом завтра своим ученикам? Иди, Паша. Больших успехов тебе.

Они простились. Он быстро пошел по дорожке ночного сада. Оглянулся. Мария Петровна стояла на крыльце.

Всю дорогу до Москвы Сафонов не мог успокоиться, ему было стыдно. Он думал о всех, с кем долгие годы учился когда-то, и хотелось ему достать их адреса, написать им гневные письма. Но он не знал их адресов. Потом он хотел написать Марии Петровне длинное письмо, но с ужасом и стыдом подумал, что не знает номера ее дома.

На большой станции Сафонов вышел из вагона. Он зашел на почту и дал телеграмму на адрес школы, на имя Марии Петровны. В этой телеграмме было два слова: «Простите нас!».

Словарь:

задержаться – пробыть где-нибудь дольше чем нужно;

будить – заставить проснуться;

смутный – неясный, неотчетливый;

засиживаться над чем-нибудь – сидеть долго, выполняя какую-то работу;

распахнутое окно – раскрытое окно;

перекликаться – давать знать о себе друг другу;

порой – иногда;

южный берег Крыма – южная часть Крымского полуострова, где находится много санаториев;

ему за 40 – ему больше 40 (сорока) лет;

Витька, Витя – уменьшительные формы имени Виктор;

заспанный – по лицу человека видно, что он только что проснулся;

мороженщик – человек, который продает мороженое;

глинобитный – сделанный из глины;

гражданин – одно из допустимых обращений незнакомых людей друг к другу;
 Павлуша, Паша – уменьшительные формы имени Павел;
 пророчить – предсказывать;
 робеть – стесняться, пугаться;
 проездом – по пути, по дороге заехать куда-либо;
 довоенный (класс) – то, что было до войны 1941-1945 гг;
 плохо (оценка) – неудовлетворительно;
 математика прекрасно давалась – математика легко давалась;;
 разлетелись – разъехались в разные города;
 стало не по себе – стало неприятно.

Задание 1. Ответьте на вопросы.

1. Что вы можете рассказать о герое рассказа Павле Георгиевиче?
2. Как герой оказался в родном городе?
3. Изменился ли город и почему он чувствовал себя в нем чужим?
4. Как сложилась судьба его школьных друзей? Почему он ни с кем не встретился?
5. Что вы узнали о его учительнице? Почему после встречи со старой учительницей ему стало стыдно?
6. Почему в телеграмме, которую послал Сафонов Марии Петровне, было только два слова: «Простите нас!».

Задание 2. Замените синонимами подчеркнутые глаголы в следующих предложениях:

Южный экспресс задержался здесь не более пяти минут.
 Я немного задержался, вы давно меня ждете?

Задание 3. Определите значение слова «перемена» в предложениях:

Воспоминания будили в нем желание к перемене мест.

Он сидел под старой акацией, около которой когда-то играл на переменах.

Зима в этом году была неустойчивой, наблюдались резкие перемены температуры.

На фронте без перемен.

* * *

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ

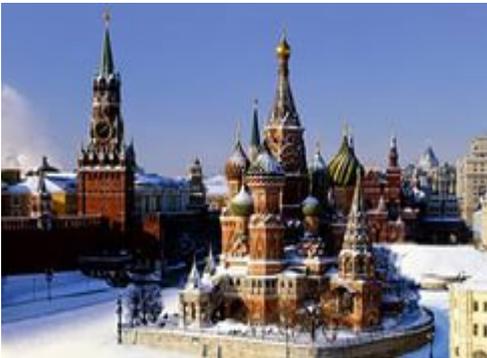
МОСКВА И КРЕМЛЬ

Москва является столицей России. Она возникла в XII веке среди лесов центральной России и теперь выросла в большой и красивый город.

Москва расположена на Москве-реке, по которой в летнее время идут пароходы и баржи. В центре Москвы находится Кремль, замечательный памятник русской архитектуры и искусства. Вокруг Кремля идет старинная каменная стена с башнями. Стены и башни Кремля очень красивы. На башнях раньше были царские орлы, но теперь на башнях возвышаются большие красные звезды, которые ярко горят и днем и ночью. В Кремле находятся царские дворцы, старинные церкви, монастыри и музеи. Здесь каждый камень говорит об истории русского народа. Когда вы входите в ворота Кремля, вас поражает величие этого чудесного памятника русского искусства.

Ежедневно в Кремль приходят самые разнообразные посетители: рабочие, служащие и учащиеся, граждане различных национальностей и иностранцы из разных концов мира.

Рядом с Кремлем находится старинная Красная площадь, на которой стоит почти фантастическая русская церковь Василия Блаженного со множеством разноцветных куполов. Ее построил царь Иван Грозный в память о победе над татарами в середине XVI века.

В Москве находится старейший в стране университет, консерватория, Большой театр, Академия наук и много различных музеев. На улицах Москва большое движение, так как население столицы растет. В Москве построено лучшее в мире метро. Станции московского метро похожи на дворцы. Они отделаны мрамором, гранитом, фарфором. В центре Москвы пересекаются три линии метро, по которым мчатся красивые и удобные поезда.

Москва очень красива своими церковными куполами и высокими новыми зданиями, похожими на башни. Особенно красива Москва летом, когда зеленые деревья украшают город.